

Научная статья
УДК 81'255:22.05.06

Актуальность лингвистической теории перевода и переводческая практика

И. М. Матюшин

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
igor.matyushin@gmail.com

Аннотация: В статье рассматриваются основные достижения лингвистической теории перевода и приводятся аргументы в пользу ее актуальности на современном этапе развития науки о переводе, что подтверждается переводческой практикой. Автор статьи анализирует основные критические замечания в отношении лингвистической теории перевода со стороны сторонников интерпретативной теории Д. Селескович и М. Ледерер и формулирует собственное мнение по поводу их релевантности.

Ключевые слова: лингвистическая теория перевода, интерпретативная теория перевода, переводческая практика, эквивалентность, взаимодействие языков, уровни языка, приемы перевода, переводческие трансформации

Для цитирования: Матюшин И. М. Актуальность лингвистической теории перевода и переводческая практика // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 5 (886). С. 70–77.

Original article

Relevance of Linguistic Theory of Translation and Translation Practice

Igor M. Matyushin

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
igor.matyushin@gmail.com

Abstract. The article reviews the main accomplishments of the linguistic theory of translation and argues in favour of its relevance to present-day translation science, which is confirmed by translation practice. The author of the article analyses criticism against the linguistic theory of translation from the proponents of the interpretive theory of D. Seleskovitch and M. Lederer, and comments on its credibility.

Keywords: linguistic theory of translation, interpretive theory of translation, translation practice, equivalence, language interaction, language levels, translation techniques, translation transformations

For citation: Matyushin, I. M. (2024). Relevance of linguistic theory of translation and translation practice. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 5(886), 70–77. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Несмотря на многовековую переводческую практику, принято считать, что теоретическое осмысление перевода как особой когнитивной деятельности человека, началось лишь в XX веке. Становление теории перевода в качестве самостоятельной научной дисциплины проходило сложно на фоне возражений со стороны языковедов, литературоведов и филологов. Достаточно упомянуть высказывание А. А. Реформатского в статье, датированной 1952 годом и опубликованной в авторитетном журнале того времени «Иностранные языки в школе», в котором ученый ставит вопрос о жизнеспособности науки о переводе и тут же дает на него ответ: «Такой науки быть не может». По его мнению, переводчики-практики могли бы применять в своей профессиональной деятельности достижения многих других наук, в то время как собственной науки область перевода иметь не может. Это обусловлено разнообразием типов и жанров перевода, ведь изучение особенностей специального научного перевода не актуально для перевода стихотворного, а проблемы, относящиеся к переводам классической литературы, не нужны при составлении разговорников-минимумов. Все эти аспекты А. А. Реформатский называет «разноделимыми величинами, у которых нет общего знаменателя» [Реформатский, 1952, с.12]. Не случайно во второй половине XX века параллельно зародились (и в некоторой степени находились в оппозиции) два научных направления: лингвистическая и литературоведческая теории перевода [Raková, 2014, с.86].

Впрочем и многие переводчики-практики часто не видят оснований для научного изучения их деятельности, аргументируя это успешностью выполнения профессиональных задач без владения основами теории перевода. Кроме того, по мнению Э. Прунча, понятие «теория перевода» ассоциируется с мыслью о противоположности между научным изучением перевода и переводческой практикой, в чем он усматривает значительный недостаток этого научного термина [Прунч, 2015]. В качестве контраргумента можно привести справедливое замечание В. Н. Комиссарова, согласно которому любая теория перевода непосредственно связана с переводческой практикой. Действительно, теоретические концепции в любой области знания обязательно должны основываться на описании фактов реального процесса, доступных для наблюдения, обобщать и объяснять эти факты. При этом теория перевода как научная дисциплина может оказывать обратное влияние на переводческую практику, поскольку она обогащает ее и предлагает пути решения проблем [Комиссаров, 2002].

Сегодня можно утверждать, что за последние 100 лет теория перевода вполне сформировалась в качестве самостоятельной отрасли науки. В хронологическом плане первой переводоведческой концепцией стала лингвистическая теория перевода, основывающаяся на сравнительном изучении исходного и переводного текста. Несмотря на появление в дальнейшем иных теоретических взглядов, порой прямо противопоставляющих себя лингвистической теории, последняя, на наш взгляд, по-прежнему лежит в основе любого изучения процесса профессионального перевода и отнюдь не утратила своей актуальности.

Целью данной статьи является уточнение вклада лингвистической теории перевода (которую применительно к России можно с полным правом называть «Переводоведческой школой Московского иняза») с точки зрения переводческой практики, а также анализ целесообразности критики лингвистической теории сторонниками интерпретативной теории перевода, разработанной в стенах Высшей школы переводчиков (ESIT) в Париже.

ВКЛАД ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ В ИЗУЧЕНИЕ ПРОЦЕССА ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ПЕРЕВОДА

Лингвистическая теория перевода сформировалась в 50-е годы XX века, когда сразу в нескольких странах были опубликованы работы, представлявшие собой теоретические размышления о природе и сущности процесса перевода. Их объединяло стремление выявить основные закономерности опосредованной межкультурной коммуникации на основе сравнения оригинальных и переводных текстов. Одновременно появилась надежда на создание универсальной лингвистической модели, определяющей нормы и правила перехода от одного языка к другому, которой могли бы руководствоваться профессиональные переводчики в своей деятельности.

В 1959 году была опубликована книга канадских лингвистов Жана-Поля Вине и Жана Дарбельне «Сравнительная стилистика французского и английского языков». Авторы книги были убеждены в том, что сравнительный анализ стилистических особенностей французского и английского языка позволит выделить универсальные закономерности, применение которых может впоследствии привести к частичной автоматизации процесса перевода.

Сравнивая исходные (ИТ) и переводные (ПТ) тексты, Ж.-П. Вине и Ж. Дарбельне пришли к выводу, что объективно существуют лишь два пути, по которому может пойти переводчик. Эти два пути

они назвали прямым (или дословным) переводом, с одной стороны, и косвенным (*oblique*) переводом – с другой. По их мнению, существуют коммуникативные ситуации, при которых сообщение на исходном языке (ИЯ) можно прекрасно (*parfaitement*) перевести в сообщение на языке перевода (ПЯ). Такой способ перевода основан на параллельных категориях (структурный параллелизм), либо же на параллельных концепциях (металингвистический параллелизм). В иной коммуникативной ситуации переводчик встречает в ПЯ лакуны, которые надлежит заполнить эквивалентными средствами, поскольку перед переводчиком стоит главная задача: обеспечить общее впечатление (*l'impression globale*) от обоих сообщений, причем, это впечатление «должно быть одинаковым». Применение второго способа («пути», по терминологии авторов работы), неизбежно наведет переводчика на мысль, что, прибегая к структурным или металингвистическим различиям, он не в состоянии добиться определенного стилистического эффекта в ПТ без изменений (больших или меньших) в синтаксической структуре (*l'agencement*) или даже на уровне лексических единиц. В таких случаях переводчик будет вынужден прибегнуть к более изощренным приемам, названным «приемы косвенного перевода», которые на первый взгляд могут показаться удивительными [Vinay, Darbelnet, 1972].

Безусловным вкладом Ж.-П. Вине и Ж. Дарбельне в зарождающуюся теорию перевода стало то, что они впервые сформулировали и классифицировали технические приемы перевода, которыми пользуется переводчик для достижения эквивалентного «общего впечатления» (по их выражению) от исходного и переводного текста. Три приема, а именно: заимствование (*l'emprunt*), калькирование (*le calque*) и дословный перевод (*la traduction littérale*) они отнесли к категории прямых приемов перевода, а еще четыре: транспозиция (*la transposition*), модуляция (*la modulation*), эквиваленция (*l'équivalence*) и адаптация (*l'adaptation*) назвали косвенными приемами. Все семь приемов, по мнению авторов, могут применяться переводчиком на уровне лексики, синтаксической структуры или общего смысла высказывания.

Основы лингвистической теории перевода в Советском Союзе заложены А. Б. Федоровым в его книгах «Введение в теорию перевода» и «Основы общей теории перевода». По мнению А. Б. Федорова, к задачам теории перевода относятся выявление закономерностей в ходе компаративного анализа подлинника и перевода, обобщение в свете научных данных выводов, сделанных из наблюдений над отдельными частными случаями перевода. Выполнение этих задач могло бы «опосредованно

способствовать переводческой практике» [Федоров, 2002, с.20], которая в результате будет использовать доводы и доказательства, предложенные наукой о переводе, в поисках оптимальных средств выражения и, таким образом, решать конкретные практические задачи, опираясь на достижения научных исследований. Ключевым для данной статьи является убеждение А. Б. Федорова в том, что основным предметом внимания для теории перевода должно быть соотношение между подлинником и переводом, объяснение и обобщение «различия форм», которые имеют ИТ и ПТ в различных коммуникативных ситуациях.

В книге «Теоретические проблемы перевода», опубликованной в 1963 году, французский лингвист Жорж Мунен также утверждает лингвистический подход в качестве концептуальной основы для изучения перевода. По его мнению, «перевод – это контакт языков, и одновременно явление билингвизма» [Mounin, 1963, с. 4]. Чрезвычайно интересным и по-прежнему актуальным является его замечание о том, что современная лингвистика сталкивается с теоретической проблемой, которую ставит перед ней переводческая деятельность. Действительно, общепринятые представления о структуре лексики, морфологии и синтаксиса наводят на мысль о том, что перевод в принципе невозможен. Однако люди испокон веков пользуются плодами труда переводчиков. Таким образом, по образному выражению Ж. Мунена, «существование перевода привносит скандальный элемент в современную лингвистику» [там же, с. 8]. Поддерживая теоретические взгляды А. Б. Федорова, Ж. Мунен также считал, что выявление закономерностей и теоретическое обобщение необходимо для перевода, который является «творческой и критической деятельностью». Наука о переводе позволит извлекать из переводческой практики «выводы более широкого масштаба, распространять их на целый ряд случаев, преодолевать эмпиризм и кустарные приемы работы» [там же, с. 16].

Окончательное становление лингвистической теории перевода в качестве самостоятельной отрасли науки связано с работами выдающихся советских переводоведов Я. И. Рецкера, Л. С. Бархударова, А. Д. Швейцера, В. Н. Комиссарова, Р. К. Миньяр-Белоручева, Л. К. Латышева и многих других.

На наш взгляд, лингвистическая теория, по-прежнему, может рассматриваться как основная научная база изучения перевода по нескольким причинам:

1) ее непреходящее значение заключается в том, что она придала изучению перевода научный характер. Использование сопоставительного анализа является не только продуктивным в практическом плане, но и естественным методом изучения

перевода, поскольку процесс перевода предполагает установление определенных отношений между текстами на разных языках. В результате сопоставления ИТ и ПТ выявляется информация, значимая для переводческой практики, именно поэтому «можно заключить, что изучение перевода лингвистическими методами вполне обоснованно и продуктивно» [Комиссаров, 2002, с. 37];

2) преимущество сравнительного изучения двух языков заключается также в том, что таким образом переводчик осознает структурные различия между двумя языками и на основании этого анализа вырабатывает алгоритм переводческих действий [Raková, 2014];

3) результаты сопоставительных исследований представляют собой значительный вклад в теорию сравнительно-сопоставительного языкознания. «Теория перевода исследует определенный тип отношений между языками и, следовательно, ее можно рассматривать как один из разделов компаративной лингвистики» [Кэтфорд, 1978, с. 91];

4) в рамках лингвистической теории перевода был разработан понятийно-категориальный аппарат, удобный для теоретического описания процесса перевода;

5) лингвистическая теория перевода содержит классификацию и описание технических приемов перевода, которые оказались очень полезны для ретроспективного описания результата перевода. Они придают смысл различным манипуляциям с языком, которые производит переводчик. Полезность этих приемов подтверждается практикой перевода.

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ И ИНТЕРПРЕТАТИВНАЯ ТЕОРИЯ ПЕРЕВОДА

Возникшие на протяжении последующих десятилетий многочисленные переводоведческие концепции во многом опирались на достижения лингвистической теории. Однако их отношение к последней варьировалось от безусловного признания ее заслуг до категоричного отрицания изучения процесса перевода методом сопоставления исходного и переводного текста. Среди последних, на наш взгляд, выделяется интерпретативная теория перевода (которую также называют «теорией смысла», или «теорией Парижской школы»). Ее создатели Д. Селескович и М. Ледерер неоднократно подчеркивали, что принятый ими подход прямо противоположен взглядам сторонников лингвистической теории. Однако, по справедливому замечанию Г. Т. Хухуни и И. И. Валуйцевой, противопоставление другим концепциям, предшествующим положениям и принципам, порой

нарочито и резко, вряд ли можно признать правильным путем в науке, ведь «для того, чтобы осуществить «отталкивание», необходимо иметь для него опору, от которой оно и будет происходить» [Хухуни, Валуйцева, 2023, с. 36].

Одним из ключевых критических замечаний в адрес лингвистической теории является упрек в ее стремлении изучать перевод не на уровне текста и дискурса, а на основе анализа отдельных предложений, часто без учета контекста. По мнению сторонников теории смысла, она, в отличие от лингвистической теории перевода, не основывается на сравнении языков (лингвистических систем) и не рассматривает предложения как единицы перевода; вместо этого интерпретативная теория перевода делает акцент на контекстуальном переводе, подчеркивая анализ смысла, проявляющегося в дискурсе [Delisle, 1984].

В своей программной работе «Интерпретировать, чтобы перевести» Д. Селескович и М. Ледерер постоянно противопоставляют свою концепцию лингвистической теории перевода. Авторы «теории смысла» полагали, что применение сопоставительного анализа ИТ и ПТ как основного метода изучения перевода приводит к ситуации, которую древние греки называли «апорией», т. е. логическим противоречием: признание того, что языки непереводимы в силу их глубоких различий, но при этом выстраивание теории перевода на основе изучения этих самых языков [Seleskovitch, Lederer, 1993]. Основатели Парижской школы также считали, что в процессе перевода не происходит никакого взаимодействия между языковыми системами, поскольку процесс перевода осуществляется так же естественно, как и процесс одноязычной коммуникации. Отправной точкой интерпретативной теории перевода является следующий постулат: процесс перевода осуществляется не на уровне языка, а на уровне дискурса или текста [Бодрова, 2021].

Категоричное отрицание возможности осуществления перевода на уровне языка (а точнее, на различных уровнях языка) аргументируется тем, что каждое слово, не говоря уже о фразах или сверхфразовых единствах, проявляет свое смысловое выражение только в тексте и, следовательно, анализ перевода отдельных слов и фраз, вырванных из контекста, является контрпродуктивным, поскольку, оказавшись в ином контекстуальном окружении, эти лексические единицы приобретают иной смысл. Д. Селескович образно сравнила слово вне контекста, которое еще не стало сообщением, с банкнотой, которая еще не материализовалась в покупке какого-нибудь товара: 50-франковая купюра может быть использована для покупки продуктов, книг или железнодорожного билета, но до

этого момента она несет в себе лишь одну из этих виртуальных возможностей [Seleskovitch, Lederer, 1993, с. 24].

Насколько справедливы эти критические замечания в адрес лингвистической теории? Возведение текста и дискурса в ранг основного уровня осуществления перевода, а также важности контекстуального окружения для вычленения смысла является очевидным и, безусловно, не может быть оспорено. Однако внимательное прочтение трудов основоположников лингвистической теории свидетельствует о том, что они не только не отрицали этот очевидный факт, но, напротив, рассматривали текст как основную единицу перевода. В частности, В. Н. Комиссаров подчеркивал, что проблемы перевода – это, в основном, проблемы анализа, понимания и построения текста, и, таким образом, текст следует рассматривать в качестве основной единицы перевода. Оснований для подобного утверждения несколько. Во-первых, текст предстает в качестве единого смыслового целого, и поэтому значения всех его элементов взаимосвязаны и этому целому подчинены. В связи с этим понимание отдельных высказываний в большей или меньшей степени зависит от содержания всего текста и от того места, которое они занимают в тексте. Таким образом, текст является той единицей, в рамках которой решается вопрос о контекстуальном значении всех языковых средств. Во-вторых, переводчику постоянно приходится оценивать неизбежные потери, и при этом переводчик руководствуется принципом преобладания целого над частью. В результате переводчик может пожертвовать менее существенными деталями в своем стремлении правильно передать основное содержание текста. В-третьих, «конечной целью переводчика является создание текста, который отвечал бы требованиям когезии и когерентности, и все решения переводчика принимаются с учетом этих требований» [Комиссаров, 2002, с. 65]. Важность текстологических аспектов перевода отмечали и другие ученые, однако при этом подчеркивали, что признание текста основной единицей перевода не позволяет решить все переводческие проблемы, часто связанные с передачей отдельных элементов, складывающихся в единый текст.

Возможен ли перевод на других уровнях языка помимо текстуального? Теория Парижской школы дает на этот вопрос однозначный отрицательный ответ, называя любой перевод на уровне ниже текстуального «перекодированием» (transcodage), т. е. не переводом вообще. Термин «перекодирование», действительно, вызывал возражения у многих исследователей, так как он отсылает к простому «переносу значения» с одного языка на другой, в связи с чем Дж. Кэтфорд считал этот термин

ошибочным и предлагал отказаться от него при описании перевода [Кэтфорд, 1978]. Однако это не означает, что переводчик способен передать смысл высказывания только основываясь на широком контексте: коммуникативные ситуации разнообразны, и коммуникация может происходить на любом уровне языка.

Аргументируя невозможность перевода на других уровнях языка ниже текстуального, Т. И. Бодрова (Гоженмос) приводит возможные варианты перевода на разных уровнях языка фразы на французском языке *L'Est va plus vite qu'on ne le croit*, взятой из выступления президента Европейского банка реконструкции и развития.

По мнению, Т. И. Бодровой, перевод данного предложения на лексическом уровне (слово в слово) состоит в том, чтобы найти в словаре русские соответствия каждому французскому слову, а именно: *L'Est* (Восток), *va* (идет), *plus* (более), *vite* (быстро), *qu'on* (чем мы) *ne* (не) *le* (что) *croit* (думаем). Очевидно, что полученное в результате предложение на русском языке лишено какого-либо смысла. Перевод той же фразы на уровне речи (на уровне реализации языка), но вне контекста, позволяет получить более понятный вариант перевода, однако он не дает полного понимания смысла высказывания: *Восток движется быстрее, чем мы думали* или *Восток перемещается быстрее, чем ожидалось*. Для правильного перевода данной фразы, по мнению автора, необходимо знание контекста, а именно: того, оратор имел в виду переход к рыночной экономике стран Центральной и Восточной Европы. Таким образом, передача правильного смысла высказывания возможна только на текстуальном уровне: *Этот переход в странах Центральной и Восточной Европы происходит быстрее, чем мы думаем*. Т. И. Бодрова делает следующий вывод: «лингвистический перевод, который не учитывает контекст, приводит к перекодированию, основанному на подборе соответствий словам одного языка в другом языке, в то время как значения слов в системе языка не позволяют выделить смысл, который становится очевидным только на уровне текста» [Бодрова (Гоженмос), 2021, с. 65-66].

Как можно прокомментировать подобный пример? Во-первых, любой, даже не профессиональный переводчик, будучи в здравом уме и твердой памяти, не переведет данную фразу «слово в слово», как показано в первом случае. Во-вторых, предложенный правильный перевод на русский язык выполнен отнюдь не на текстуальном уровне (поскольку мы по-прежнему имеем дело не с полным текстом, а лишь с отдельным предложением), а на уровне лексическом. Действительно, чтобы правильно перевести это предложение, достаточно

подобрать хороший лексический эквивалент для слова *l'Est*, которое в данном случае, безусловно, означает «страны Центральной и Восточной Европы». Очевидно, что не существует противоречия между переводом на лексическом и текстуальном уровне по той простой причине, что смысл – это не абстрактный конструкт, существующий сам по себе: смысл выражен в семантическом наполнении, которое несут в себе отдельные лексические единицы. По сути, приведенный пример требует от переводчика всего лишь действия, которое Ж.-П. Вине и Ж. Дарбельне назвали прямым способом перевода: заменить французское слово *l'Est* на правильный эквивалент в русском языке, руководствуясь собственным лексическим тезаурусом и элементарными фоновыми знаниями.

Вместе с тем существуют коммуникативные ситуации, которые обязывают переводчика осуществлять перевод отнюдь не на текстуальном, а на лексическом и даже на фонетическом уровнях. Например, перевод списка участников международной конференции, включающий имена и фамилии на иностранном языке, предполагает применение приема транскрипции, т. е. перевода на фонетическом уровне. Перевод перечня запасных частей (*болт, гайка, винт* и т. д.) или же перечня стран будет осуществляться исключительно на лексическом уровне (слово в слово!) без учета контекста и при отсутствии какой-либо необходимости в контексте. В любом случае, перевод возможен лишь при условии понимания семантического значения лексических единиц, их смысловых нюансов, а главное, выстраивания эквивалентных соответствий между лексическими единицами исходного и переводящего языка.

Вторым объектом критики со стороны теории смысла является уже упомянутое понятие «прием перевода» и синонимичное ему понятие «переводческая трансформация»¹. Как отмечал Л. К. Латышев, в задачу переводчика входит разрешение неизбежного конфликта двух языков с помощью намеренных отступлений от структурного и семантического параллелизма между ИТ и ПТ в пользу их равноценности в плане воздействия. Именно эти отступления получили в лингвистической теории перевода название «переводческие трансформации». Переводческие трансформации выступают средством разрешения противоречия, периодически возникающего между двумя требованиями к переводу: требованием равноценности регулятивного воздействия ИТ и ПТ и требованием определенной меры их семантико-структурного подобия [Латышев, 2005]. Более того, по мнению Л. С. Бархударова,

¹Несмотря на разные взгляды на соотношение этих двух понятий, мы их употребляем в качестве синонимов.

«предметом лингвистической теории перевода как раз и является научное описание процесса перевода как межъязыковой трансформации, т. е. преобразования текста на одном языке в эквивалентный ему текст на другом языке» [Бархударов, 1975, с. 6].

Действительно, сравнивая текст оригинала и текст перевода, ученые естественным образом пришли к выводу, что их отношение можно представить в качестве преобразования (трансформации) первого во второй по определенным правилам [Комиссаров, 2002]. Именно существование этих правил и ставит под сомнение интерпретативная теория перевода.

Сторонники этой теории полагают, что само понятие «трансформация» заводит изучение процесса перевода в тупик, поскольку переводчики не трансформируют один язык в другой, а передают смысл высказывания. По их мнению, сведение процесса перевода, представляющего собой творческий процесс, к ограниченному набору механических действий, может пагубно отразиться на способности переводчика передавать смысл текста. В связи с этим они призывают «отрешиться от любых переводческих приемов или рецептов перевода» [Бодрова (Гоженмос), 2021, с. 285]. Они также обращают внимание на то, что, выполняя перевод, переводчик, как правило, действует интуитивно, никогда не задумывается о том, какую именно переводческую трансформацию применить, а видов подобных трансформаций можно насчитать бесчисленное множество, так как они зависят от контекстуального окружения и коммуникативной задачи. Согласно интерпретативной теории, слишком пристальное внимание к проблеме переводческих трансформаций в ходе обучения переводу также нецелесообразно, так как в основе обучения «должен лежать принцип поиска смысловых эквивалентов, который способствует развитию творческой активности переводчика» [там же, с. 285–286]. Аргументируя такую позицию, сторонники интерпретативной теории, как правило, ссылаются на собственный опыт, в котором не находится места упорядоченной системе переводческих трансформаций. Однако наш собственный переводческий опыт свидетельствует, скорее, об обратном.

В частности, Т. И. Бодрова (Гоженмос) приводит в качестве примера выступления ораторов, плохо владеющих английским языком. Тем не менее устным переводчикам удается не только понять смысл их речи, но и передать его на хорошем уровне. Т. И. Бодрова (Гоженмос) считает, что такие ситуации дают ценный аргумент, доказывающий несостоятельность любых попыток применить понятие приемов перевода к синхронному переводу, так как они являются результатом

сравнения лексических и синтаксических структур двух языков, но совершенно неэффективны при переводе речи, отмеченной неправильными грамматическими структурами и кальками. Если же переводчикам всё же удастся выполнить свою работу, то отнюдь не благодаря конкретизации, генерализации и прочим переводческим трансформациям [Бодрова (Гоженмос), 2021].

На наш взгляд, подобный пример как раз должен бы был свидетельствовать о чрезвычайной полезности знакомства с переводческими трансформациями. Трудно представить, как можно передать смысл устного выступления, которое грешит языковыми ошибками, а также отсутствием логических связей, не применяя конкретизацию или генерализацию понятий, равно как и другие приемы, такие как модуляция, транспозиция и компенсация. По нашему глубокому убеждению, которое подтверждается переводческой практикой, только благодаря применению всего арсенала переводческих трансформаций и продуманному алгоритму действий можно правильно передать смысловую нагрузку подобных выступлений.

Кстати, основоположники лингвистической теории понимали термин «трансформации» не как синоним «перекодирования», а как переводческое действие, необходимое для правильной передачи смысла: «Термин «трансформация» используется в переводоведении в метафорическом смысле. На самом деле речь идет об отношении между исходными и конечными языковыми выражениями, о замене в процессе перевода одной формы выражения другой, замене, которую мы образно называем превращением или трансформацией. Таким

образом, переводческие трансформации являются по существу межязыковыми операциями «пере-выражения» смысла» [Швейцер, 1988, с. 118]. На наш взгляд, важнейшим практическим значением понятия «переводческие трансформации» является не только придание системности переводческим действиям, направленным на передачу смысла исходного высказывания, но и установление определенных рамок, в пределах которых эти действия допустимы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Несмотря на появление за прошедшие десятилетия целого ряда теоретических концепций в изучении процесса перевода (коммуникативного подхода Ю. Найды, социолингвистической теории перевода У. Лабова, переводческой герменевтики Дж. Стайнера, интерпретативной теории перевода Д. Селескович и М. Ледерер, скопос-теории Г. Вермеера и К. Норд, дескриптивной теории Г. Тури и др.), лингвистическая теория, первой проложившая системный научный путь к изучению перевода, не утрачивает своей актуальности и, по-прежнему, является научной основой для последующих теоретических изысканий. Ее главное и непреходящее значение обусловлено тесной связью с многолетней переводческой практикой, ежедневно подтверждающей верность основных взглядов на сущность перевода, изложенных в трудах основоположников лингвистической теории. Дальнейшее развитие переводоведческой мысли, на наш взгляд, должно происходить не в оппозиции к предыдущим теоретическим концепциям, а в русле их эволюционного развития.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Реформатский А. А. Лингвистические вопросы перевода // Иностранные языки в школе. 1952. № 6. С. 12–22.
2. Raková, Z. Les théories de la traduction. 1. vyd. Brno: Masarykova univerzita, 2014.
3. Прунч Э. Пути развития западного переводоведения. От языковой асимметрии к политической. Перевод с немецкого языка. М.: Р.Валент, 2015.
4. Комиссаров В. Н. Современное переводоведение. М.: ЭТС, 2002.
5. Vinay J.-P., Darbelnet J. Stylistique comparée du français et de l'anglais. Méthode de traduction. Nouvelle édition revue et corrigée. Paris : Didier, 1972.
6. Федоров А. Б. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы). 5-е изд. СПб.: Филологический факультет СПбГУ ; М.: Филология Три, 2002.
7. Mounin G. Les problèmes théoriques de la traduction. Paris : Gallimard, 1963.
8. Кэтфорд Дж. К. Лингвистическая теория перевода. Пер. с английского Л. Черняховской // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. М.: Международные отношения, 1978. С. 91–114.
9. Хухуни Г. Т., Валуйцева И. И. Историческое переводоведение как научная дисциплина // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 2 (870). С. 35–41. URL: http://www.vestnik-mslu.ru/Vest/2_870_H.pdf
10. Delisle J. L'analyse du discours comme méthode de traduction. Théorie et pratique. Ottawa : Presses Universitaires, 1984.
11. Seleskovitch D., Lederer M. Interpréter pour traduire. 3ème édition, revue et corrigée. Paris : Didier Érudition, 1993.

12. Бодрова (Гоженмос) Т. И. Российское переводоведение в свете интерпретативной теории перевода (Теория, практика и методика преподавания) / перевод с французского Н. А. Фененко. Воронеж: Наука-Юнипресс, 2021.
13. Латышев Л. К. Технология перевода. М.: Академия, 2005.
14. Бархударов Л. С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). М.: Международные отношения, 1975.
15. Швейцер А. Д. Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты. М.: Наука, 1988.

REFERENCES

1. Reformatzkii, A. A. (1952). Lingvisticheskie voprosy perevoda = Linguistic issues of translation. Inostrannye yazyki v shkole, 6, 12–22. (In Russ.)
2. Raková, Z. Les théories de la traduction. 1. vyd. Brno: Masarykova univerzita, 2014.
3. Prunč, E. (2015). Puti razvitiya zapadnogo perevodovedeniya. Ot yazykovoi asimmetrii k politicheskoi = The ways of development of Western translation studies. From language asymmetry to political one. Moscow: R.Valent. (In Russ.)
4. Komissarov, V. N. (2000). Sovremennoe perevodovedenie = Modern Translatology. Course of Lectures. Moscow: ETS. (In Russ.)
5. Vinay, J.-P., Darbelnet, J. (1972). Stylistique comparée du français et de l'anglais. Méthode de traduction. Nouvelle édition revue et corrigée. Paris : Didier.
6. Fedorov, A. V. (2090). Osnovy obshchei teorii perevoda (lingvisticheskie problemy) = Foundation of General Theory of Translation (Linguistic Problems). Saint Petersburg: Philological Faculty of SPbSU, Moscow: Philology Tri. (In Russ.)
7. Mounin, G. (1963). Les problèmes théoriques de la traduction. Paris : Gallimard.
8. Catford, J. (1978) Lingvisticheskaya teoriya perevoda. = Linguistic Theory of Translation. Voprosy teorii perevoda v zarubezhnoi lingvistike (pp. 91–114). Moscow: Mejdunarodnie otnosheniya. (In Russ.)
9. Khukhuni, G. T., Valuytseva, I. I. (2023). History of translology: Scientific subject. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 2(870), 35–41. http://www.vestnik-mslu.ru/Vest/2_870_H.pdf (In Russ.)
10. Delisle, J. (1984). L'analyse du discours comme méthode de traduction. Théorie et pratique. Ottawa : Presses Universitaires.
11. Bodrova (Gojenmos), T. I. (2021). Rossiiskoye perevodovedenie v svete interpretativnoi teorii perevoda (Teoriya, praktika i metodika prepodavaniya) = La Traductologie russe (Théorie, pratique, enseignement : ses apports et ses limites). Voronej: Nauka-Unipress. (In Russ.)
12. Seleskovitch, D., Lederer, M. (1993). Interpréter pour traduire. 3ème édition, revue et corrigée. Paris : Didier Érudition.
13. Latyshev, L. K. (2005). Technologiya perevoda = Translation technology. Moscow: Academia. (In Russ.)
14. Barkhudarov, L. S. (1975). Yazik i perevod (Voprosy obshei i chastnoi teorii perevoda) = Language and Translation (Issues of General and Private Theory of Translation). Moscow: Mejdunarodnie otnosheniya. (In Russ.)
15. Shveitser, A. D. (1988). Teoriya perevoda: Status, problemy, aspekty = Theory of Translation: Status, Problems, Aspects. Moscow: Nauka. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Матюшин Игорь Михайлович

кандидат филологических наук

доцент кафедры перевода французского языка переводческого факультета

Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Matyushin Igor Mikhailovich

PhD (Philology)

Associate Professor at the Department of Russian-French Translation

Faculty of Translation and Interpreting, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

06.02.2024
06.03.2024
09.04.2024

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication